

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА В ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ 1770-х и 1790-х годов

Аннотация: В статье анализируются обращения вигов к прошлому в парламентских дебатах на протяжении Войны за независимость 1775–1783 гг. И последовавшее её превращение под названием Американская война в прецедент, к которому апеллировала оппозиция в годы войны с революционной Францией для критики политики кабинета. Этот прецедент превратился в удобный инструмент для коммонеров при обосновании собственных заявлений для подтверждения или опровержения верности курса кабинета, так и выступлений против запрета работорговли

Ключевые слова: История исторического знания, Война за независимость, войны антифранцузской коалиции, виги, Парламент, прецедент

Об авторе: Марина Павловна Айзенштат – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. 119334 Москва, Ленинский проспект 32А. m.aizen@mail.ru

Война североамериканских колоний Британии с метрополией 1775–1783 гг., обретение независимости и создание республиканского образа правления в Новом свете наряду с Французской революцией в Европе, стали знаковыми событиями конца XVIII в., которые в значительной мере определили дальнейший ход мировой истории. Вполне естественно, что связанные с ними социально-политические и интеллектуальные проблемы остаются предметом пристального внимания исследователей. Наряду с изучением характера и сути перемен в этих странах отечественные и зарубежные историки обращались к анализу реакции на них британского общества. Несмотря на это остаются существенные лакуны в изучении позиции британского общества по действиям администрации в как в отношении колонистов, так и французских революционеров. И, прежде всего, недостаточно изученным остается место прошлого в аргументах, приводимых в стенах британского Парламента. Между тем, место истории в обосновании доводов представителей власти и оппозиции на про-

тяжении всего конфликта с колонистами и на начальном этапе войн антифранцузской коалиции обусловлено рядом факторов: практикой законотворческой деятельности британского Парламента, основанной на прецеденте; роли истории в формировании политических позиций и взглядов, в мировоззрении британцев. В них опыту прошлого придавалось моральное и воспитательное значение, когда факты и события жизни предков и других народов служили кладезем мудрости и своеобразной поведенческой моделью.

Оппозиция активно использовала прошлое в выступлениях против политики кабинета, направленной на подавление бунта в колониях. В 1790-е годы Войну за независимость стали называть Американской войной. В речах ораторов она превратилась в весьма удобный инструмент, который использовался в политической борьбе. В статье рассмотрено это быстрое превращение недавних событий в прецедент на примере высказываний в обеих палатах Парламента 1770–1790-х гг. Такой подход в рамках изучения истории исторического знания призван показать вариативность апелляции к прошлому на примере Американской войны.

В зарождении напряженности в отношениях метрополии и колоний немалую роль сыграла неудачная политика кабинета, попытавшегося решить часть финансовых проблем центра за счет колонистов вопреки существовавшей практике. В 1765 г. в Лондоне был принят Акт о гербовом сборе, из-за недовольства в колониях его пришлось отменить на следующий год, а в 1767 г. введены таможенные пошлины на ряд товаров. Через три года их по той же причине также пришлось отменить за исключением акциза на чай. А в 1773 г. состоялось так называемое «Бостонское чаепитие», когда недовольные этим налогом колонисты выбросили в воду весь груз с чаем. Непоследовательная политика министров и настрой монарха, болезненно воспринимавшего недовольство подданных, повлекли нарастание движения протеста колонистов. А это вынуждало коммонеров периодически обращаться к ситуации в отдаленных владениях. В качестве аргумента ораторы приводили акты Эдуарда III и Генриха VIII, касавшихся статуса заморских территорий, в том числе и вопросов налогообложения. При этом трактовка актов носила различный, порой противополо-

ложный характер, когда обе стороны искали подтверждение собственной правоты в прошлом [3: v. 16, p.507–510].

На фоне фактов, событий, легенд и эпох, как истории Британии, так и других стран в семидесятые годы превалировали проблемы предела прерогатив власти и прав народа. Это теснейшим образом было обусловлено переплетением протеста в метрополии и ширившегося движения за океаном. Ситуация в североамериканских колониях обострялась, постепенно приобретая критический характер. Но кризис в отношениях центра и периферии непосредственным образом затронул саму метрополию. В связи с ухудшением экономических связей с колониями проявляли недовольство терпевшие серьезные убытки купцы и предприниматели, которые на своих предприятиях использовали поставлявшееся из Америки сырье, а за океаном имели обширный рынок сбыта товаров. В британском обществе обозначился раскол, о котором свидетельствовало число поданных в Парламент петиций и количество подписей под ними. Меньшинство обращений поддерживало решительную политику кабинета. Большинство – выступало категорически против неё [9:138–139]. Это скорее говорило о большей активности противников, нежели о реальном положении дел, что отражает разброс мнений исследователей [5:205–206; 8:234; 6:209;10]. Тем не менее, можно с уверенностью отмечать, что экономические затруднения и поражения британской армии привели к существенному увеличению числа сторонников заключения мира. Среди «ястребов» находились довольно известные и яркие личности, придерживавшиеся различных политических взглядов, как, например, доктор Джонсон и Филипп Фрэнсис. Оправдание правительственной политики проистекало из убежденности в том, что метрополия имеет право облагать колонистов налогами [2:v.1, 104–105]. Немногочисленная оппозиция в стенах Парламента в лице вигов отстаивала интересы торговцев и предпринимателей и была настроена на разрешение конфликта мирным путем. Это расхождение и обусловило характер дискуссий и направленность отдельных реплик в обеих палатах Парламента при рассмотрении действий кабинета и иницилируемых им биллей.

Между тем, взаимоотношения метрополии и колоний и их взаимные претензии неизбежно вызывали параллели с событиями

ями кануна Английской революции, что предопределило частое упоминание отдельных фактов и событий времен правления Карла I. Их дополняли изыскания из истории Реставрации и Славной революции. Неоднократно раздавались призывы обратиться к историческому опыту [3:v. 17, P. 47, 135; v. 18, P. 345, 502, 798–818, 834, v. 19.P.77; 1: v.1. 6]. Ведь обращение к тем событиям, которые произошли в прошлом, помогут избежать ошибочных шагов в настоящем и будущем, утверждали оппозиционеры [3:v.18. P. 1148]. Теперь ясно, – говорил мистер Джонстон, – что народ Америки преисполнен таким же настроением и решительным духом, как и англичане в отдаленные времена. Американцы, продолжал оратор, побуждаемы тем же энтузиазмом, с которым наши предки противостояли притязаниям короны в дни правления Карла I. Они сопротивлялись сокращению их свобод, которое могло бы низвести их до уровня жителей владений Франции или Испании [3:v.18.P.60; 4:172], то есть лишить всех прав и привилегий.

Подготовка к военным действиям, которая заключалась в увеличении ассигнований на флот и сухопутную армию, провоцировала частое упоминание легенд, в которых говорилось о конфликте отца и сына. Как правило, отец заблуждался и всегда был неправ, в чем раскаивался позднее [3:v.18.P. 190, 306, 309, 341, 343, 348–349]. Так, внесенный билль о милиции сразу вызвал отклик оппозиции. Дж. Савиль заметил, что вооружение ополчения стало главной причиной ухудшения отношений между Карлом I и его Парламентом [3:v.18. P. 860]. Политике Карла I противопоставлялась и сходная ситуация времен правления королевы Елизаветы I. Тогда она, прежде чем действовать, потребовала от министров выяснить причину возмущения, что не было сделано ни Георгом III, ни его министрами [3:v.18. P. 229].

Реакция кабинета на «Бостонское чаепитие» была однозначной. Глава кабинета лорд Норт заявил о необходимости наказать город и привел примеры подобного рода действий. В то же время оппозиция намерениям кабинета противопоставила упоминание о введении корабельного налога Карлом I и его последствия [3:v.18 P. 1146, 1203, 1211]. Назначение Фредерика Норты, выходца из старинной аристократической семьи тори, главой кабинета в 1770 г. положило конец частой смене администрации и соот-

ветственно курсов политики. К этому времени Норт имел опыт управления финансами королевства. Именно ему принадлежала идея обложения таможенным сбором поставки чая в Северную Америку. Довольно быстро после формирования кабинета Норт превратился в объект нападков виггов. Молодой Ч.Фокс с присущей ему страстностью пользовался каждым случаем подчеркнуть разницу между виггизмом и торизмом. Цель последнего, которую олицетворяла политика Норта, по утверждениям Фокса, состояла в усилении прерогативы короны, так как тори являются врагами свободы. Виги же, напротив, приоритет отдавали правам и свободам народа [3:v. 18. P. 769–771].

Решение американского конгресса в 1775 г. вызвало одобрение лорда Чатэма. Ссылаясь на Фукидида, он заявил следующее: с древних времен не было более благородного собрания, чем конгресс в Новом Свете [3:v. 18. P. 157]. Джон Уилкс, избранный к этому времени лорд-мэром Лондона, утверждал, что обращения американских колонистов в Парламент требуют пристального внимания и адекватных действий. Иначе они достигнут своей цели. И колонисты будут праздновать свершение революции, как англичане празднуют революцию 1688 года [3:v. 18. P. 238].

Эдмунд Бёрк, выступления которого отличались от многих речей коммонеров и лордов историческим подходом к решению возникавших политических проблем, был решительным сторонником мирного завершения кризиса. Он неоднократно подчеркивал назидательный, дидактический характер истории, значимость исторического опыта. Насколько современный ему Парламент отличался от того, который был в древности, является скорее предметом споров антиквариев, заявил он. Для нас важно другое, говорил он, сегодня Парламент процветает. В качестве примера Бёрк прибег к сравнению истории Ирландии и Уэльса. На примере Уэльса он доказывал, что эта часть острова была источником проблем для Англии до тех пор, пока уэльсцы не получили права граждан Англии. Не использование военной силы, а установление законной светской власти и политического порядка позволили уничтожить былую враждебность [3:v.18. P. 510–513]. Опираясь на прошлое, Бёрк отстаивал путь удовлетворения части требований колонистов.

В ответ на обвинения в развязывании бунта против королевской власти, звучавшие в адрес колонистов, выдвигались аргументы различного характера. Темпл Латрелл подчеркивал, что все подданные Британской империи имеют право на то, чтобы ими управляли в соответствии с духом древней конституции. Она предусматривала, что ни один свободный человек не может облагаться налогами без его согласия личного или через своих представителей. Достаточно обратиться к истории, чтобы убедиться в справедливости этого, утверждал Темпл Латрелл [3:v.18. P. 868]. Тем самым оратор поддерживал отказ колонистов уплачивать налоги на том основании, что их представители не заседают в имперском Парламенте. Требования колонистов предоставления права избирать членов Парламента, естественно, стимулировали обращение к истории этого института власти в Лондоне. Чарльз Меллиш утверждал, что представительство в Англии сформировалось при Вильгельме I, оно было равным и отражало преимущественно земельный интерес. За столетия оно изменилось, утратив первоначальное равенство. В результате потери этого равенства сегодня менее одной трети англичан представлено в Парламенте [3:v. 18. P. 777].

Мистер Демпстер возражал против правительственного языка ультиматумов, он сомневался в разумности такой политики. Нельзя ставить колонистов перед дилеммой, надеясь заставить их сложить оружие. Так поступал Карл I в споре с Парламентом, таким языком разговаривали все тираны от Вильгельма Завоевателя, звучит он и сегодня. Если администрация будет действовать подобным образом, то едва ли добьется успеха, заключал Демпстер, [3:v.18. P. 1062].

Лорд Шелбурн возражал против обвинений в адрес колонистов в том, что они устроили бунт. Обоснованием его позиции опять послужила Славная революция и действия вигов. Славная революция, утверждал Шелбурн, защитила права и привилегии тех, кто заседал в Парламенте. Если сопротивление законной власти, является государственной изменой, то виги во время революции были бунтовщиками в том смысле, в каком в речи короля упоминается этот термин. Король Яков II был их законным правителем. Но виги имели основания для выступления против

негодного правителя. И отстаивали свои права [3:v.18. P. 1386]. Сказанное Шельбурном расходилось с утверждением Джона Уилкса. Тот был убежден в том, что это было не сопротивление. Он был убежден в том, что это было основанное на законах Божьих и людских восстание, направленное против беззаконной власти [3:v.18. P. 239].

Схожие мысли, но с иным акцентом выразил Темпл Латрелл. Он сослался на последние 800 лет истории Британии. С Вильгельма Завоевателя из 33 правителей Англии только 13 всходили на трон по наследственному праву, остальные получили корону благодаря «энергии народа», действовавшего в поддержку конституционных свобод. От имени народа, во имя его интересов и защитником его свобод Парламент выступал перед монархами [3:v.18. P. 864–867].

Надежда на скорейшее мирное урегулирование, возможность исправления ситуации подвигла сэра Грея Купера вспомнить генерала Монка и его роль в реставрации Стюартов. Большая заслуга Монка, говорил он, состояла в следующем. В тот момент, когда бразды правления выпали из слабых рук Ричарда Кромвеля, генерал решительно содействовал возвращению Стюартов на престол [3: v. 19. P. 793].

Военные неудачи усилили недовольство британского общества. Поражения флота метрополии вызвали панику, которой сопутствовало распространение слухов о возможной высадке флота неприятеля на английский берег. А осенью пришли известия о беспорядках в Ирландии. В самом начале сессии 1779 г. общественное напряжение проявилось в нарастании активности оппозиции в Парламенте и усилении критики в адрес короля [7:54]. Порой она принимала характер не столько скрытых, сколько явных угроз. Именно они прозвучали в выступлении Ч.Фокса: нынешний суверен оказался на престоле только в силу несчастливой судьбы Дома Стюартов, о чем не должен забывать, подчеркивал молодой виг. Также он должен всегда помнить и о том, что именно поведение министров привело к столь печальным последствиям, продолжил Фокс. Король должен полагаться на ответственных министров, утверждали лорд Тауншенд и Фокс [3:v.20. P. 1029,1248; 1:v.1. P. 210]. Но нынешние министры

не способны добиться успеха, вместо побед воображение народа поражают потери, которые несет британская сторона. Заверения генералов о том, что через неделю они с легкостью усмирят колонистов, начали вызывать насмешки. Фокс заявлял: Лорд Чатэм, король Пруссии, и даже Александр Великий никогда не смогли добиться большего захвата территорий на протяжении одной кампании, чем благородный лорд сумел потерять: он потерял целый континент [3: v.18. P. 765]. К этой теме Фокс возвращался не один раз, развывая её в различных ракурсах. Каждый раз подчеркивал, что страна потеряла Америку, жизни 25 тыс. человек, и за всё это казна заплатила 30 млн. ф. ст. [1:v. 1. P. 173]. Подобные утверждения проистекали из нежелания короля признавать очевидное поражение и отставить весьма непопулярного лорда Норта. Тем не менее, кабинету пришлось пойти на мирные переговоры и признать независимость колоний.

Потеря значительной части заморских владений помимо экономических потерь стала ощутимым ударом по престижу государства и национальной гордости британцев. Впоследствии его болезненность проявилась в упоминаниях о войне, которые спровоцировало вовлечение Британии в новые военные действия. На этот раз – с революционной Францией, когда Британия присоединилась к Пильницкому союзу после объявления ей войны Францией. Соединенное королевство стало активным участником первой коалиции 1793–1797 гг. европейских государств, стремившихся подавить революцию и вернуть монархическое правление во Францию, как, впрочем, и на протяжении деятельности последующих коалиций. Ситуацию обостряло то, что теперешний соперник – Франция – во время конфликта с колонистами всемерно поддержала их.

По различным поводам коммонеры ссылались на Американскую войну. При этом справедливо подчеркивалось, что она отличалась от других войн XVIII столетия, которые вела Британия, в связи с тем, что она имела иные цели и проходила в иных обстоятельствах, как в метрополии, так и на территории противника. Невзирая на эту несхожесть, коммонеры использовали каждый удобный момент для проведения параллели между линией поведения администрации, выполнявшей настойчивое

желание монарха покарать строптивых подданных, и теперешним курсом. Это позволяло оппозиции нападать на современный кабинет и критиковать его нового главу – У.Питта младшего, доказывая пагубность избранной им политики и игнорирования мнения оппозиции и общества.

Благодаря этому, Американская война превращалась в удобный аргумент полемики, позволяя оппозиции наглядно демонстрировать прошлые ошибки администрации, сравнивать с современным кабинетом и подчеркивать правоту собственной позиции. Именно в таком ключе строились выступления Ч. Фокса. Он не мог не обозначить собственного мнения по вопросу о войне с Америкой. Это была война двора, но не война народа, подчеркивал лидер вигов. С самого начала она протекала безуспешно для Британии, но только после тяжелейшего поражения лорда Корнуолеса Парламент положил ей конец. Притом администрация пошла на это, хотя на протяжении нескольких лет игнорировала поступавшие петиции. Эти обращения содержали требования покончить с войной, но власть продолжала её вплоть до разгрома армии [3: v. 30. P. 917–919]. Таким образом, Фокс в очередной раз подчеркнул правоту оппозиции, ратовавшей за завершение теперешней войны, и пагубность политики кабинета проводимой в интересах двора, но пренебрегавшей общественным мнением.

Использовался вигами и такой важный аспект, как затраты власти на ведение Американской войны. Молодой политик Ч.Грей характеризовал войну с колонистами, как наиболее важный период в истории страны со времен правления короля Вильгельма III и королевы Анны. Он акцентировал внимание палаты на сопоставлении сумм, которые были потрачены на войны в годы правления этих монархов. В совокупности все эти суммы были меньше денег, затраченных в годы войны в Северной Америке [3: v.32. P. 902]. Тогда кабинет не ограничивал расходы ввиду неординарности самой ситуации. Для Грея эта разница в расходах послужила обоснованием критики сложившейся практики, при которой отсутствовал контроль над государственными расходами [3: v.32. P. 1073–1075]. А Ч.Фокс утверждал, что деньги, затраченные на Американскую войну, превзошли все границы [3: v.32. P. 1300].

В верхней палате лорд Лаудердейл назвал Американскую войну важным рубежом в экономическом развитии государства [3: v.32. P. 1149]. А Ч.Фокс видел в ней важный рубеж во всей истории страны [3:v.32. P. 1095]. Фокс утверждал, что поддерживал признание независимости Америки, как и позднее – признание французской республики. При этом он высказал надежду, что страна сделает выводы из урока Американской войны и пересмотрит отношение к теперешней войне. При этом Фокс вновь подчеркивал, что администрация не в состоянии усвоить последствия ошибок, допущенных в прошлой войне [3: v.32. P. 1199]. Напоминая о бедствиях, которые принесла Американская война, Фокс утверждал, что тогда депутатский корпус полностью доверял министрам. Он напрасно призывал нижнюю палату не придерживаться такой же линии поведения [3: v.32. P. 1239]. Личное враждебное отношение Фокса к главе кабинета влиялось в неоднократные сравнения прошлой и нынешней войны и поведения министров. Опять и опять он убеждал палату не голосовать за предложения кабинета на том основании, что министры лишь повторяют слова лорда Норта, сказанные в период Американской войны [3: v.33. P. 406]. Эту же мысль позднее высказал маркиз Лэнсдаун, но с иным посылом. Он говорил о том, что зло «той войны» – ничто по сравнению с теперешним бедственным положением страны [3:v.33. P. 1322]. Упоминания об Американской войне превращались в напоминание о печальном для британцев поражении под руководством кабинета Норта.

По мере развития событий союзники начали терпеть поражения от революционной армии, в Парламенте и обществе все настойчивее звучали призывы к администрации остановить войну и заключить мир с Францией [3:v. 33. P. 192].

И в мае 1797 г., когда в результате побед французского оружия распалась первая коалиция, именно опыт Американской войны стал предметом дискуссии, прошедшей в Парламенте. Аналогия между прежней и нынешней войной настолько была очевидна для оппозиции, что попытка оценить прошлое лишь на первый взгляд представляется уходом от обсуждения текущих проблем. Дебаты спровоцировало предложение сторонника преобразований Ч.Грея провести умеренную реформу системы

представительства в Парламенте. Он упомянул прежние попытки, которые потерпели крах. Палата и администрация не были настроены на любые изменения, но отказ каждый раз имел благовидный предлог. Он состоял в том, что предложение выдвинуто в сложное для страны время, когда перемены только ухудшат его. Среди неблагоприятных обстоятельств для осуществления преобразований наряду с другими внешними и внутренними конфликтами, в которых было вовлечено государство, Грей упомянул и Американскую войну [3:v.33. P. 644–659].

Оппонентом Грея и оппозиционных вигов в вопросе об Американской войне выступил лорд Хоксбери. Он заявил, что Американская война была популярна в стране, в которой палата общин и народ объединились рука об руку. Без сомнения, его выступление являлось выпадом в сторону оппозиции, вновь ратовавшей за мир. Отношение в народе и палате общин к войне, продолжал Хоксбери, изменилось лишь в её ходе. Перемена в настрое общества и палаты произошла именно тогда, когда стало очевидным поражение метрополии [3:v. 33. P. 688]. Однако утверждения Хоксбери существенно расходились с реальным развитием ситуации. Как отмечалось выше, с самого начала конфликта настрой общества не был столь единодушным. Более того, корона и кабинет лорда Норта следовали желанию монарха, но не учитывали общественных предпочтений, а на заключение мира пошли после разгрома английской армии.

Между тем, молодое поколение вигов поддерживало высказанные ранее взгляды на Американскую войну, и переносили их на теперешнее положение. Так, Френсис Бёрдет, имея в виду поражение страны, подчеркивал, что война с революционной Францией является «вторым изданием Американской войны» [3:v.33. P. 682]. А Ричард Хилл говорил: дела Британии настолько плохи сейчас, какими они были в худший период Американской войны [3:v.33. P. 685].

Противоположное мнение о Войне за независимость высказал сэр Уильям Уиндхэм. Он был избран в Парламент в 1784 г., где сразу присоединился к группировке оппозиционных вигов во главе с лордом Рокингемом. Первое время он находился среди сторонников Ч.Фокса по вопросу о Французской революции. Однако его взгляды под влиянием дальнейшего хода событий во

Франции и позиции Э.Бёрка существенно переменялись. Сэр Уильям разорвал отношения с вигами и создал собственную «третью партию», которая поддержала политику У.Питта младшего, войну с Францией и восстановление правления Бурбонов. А в июне 1794 г. вошел в правительство.

В июне 1800 г. секретарь по военным делам Уиндхем выступил с опровержением утверждений вигов об Американской войне. Он говорил, что её сравнение с нынешней войной основано на заблуждениях, проистекавших из уверенности в грядущем поражении Британии от французского оружия. Уиндхем признавал, что сам с симпатией относился к американцам, как «нашим подданным, соотечественникам», которые не задавались целью разрушить Англию. В течение той войны он сам был убежден, что успех американцев отвечает интересам Англии. И обращался к оппозиции с вопросом: могут ли джентльмены высказать ту же убежденность относительно целей Франции [3:v.35. P. 413–421].

Однако в декабре мистер Робсон вновь говорил об «огромном сходстве» двух войн. Его он находил в происхождении, начале, ведении и результатах. Америка была потеряна, утверждал он, из-за отказа прислушаться к призывам к примирению. Неудачи нынешней войны, уверял оратор, точно так же происходят из нежелания власти услышать предложения Бонапарта о мире [3:v. 35. P. 711–712].

Приведенные выше высказывания адекватно характеризуют позиции обеих сторон по вопросу об Американской войне. Едва ли есть необходимость и далее подробно останавливаться на взглядах парламентариев по этой проблеме [3:v.35. P. 782, 1133]. Представляется более уместным остановиться на упоминаниях об Американской войне иного характера.

Так, плантаторы Вест-Индии, использовавшие рабский труд на плантациях сахара и табака, а также их сторонники в Парламенте сослались на пример североамериканских колонистов по защите своих прав. Они угрожали повторить их опыт. И заявляли о намерении выйти из состава империи, если администрация уступит требованиям аболиционистов и введет запрет на ведение работорговли [3:v.32. P. 971]. Эти угрозы не оказали серьезного влияния на коммонеров. И во время очередного рассмотре-

ния вопроса о работорговле, который регулярно поднимала парламентская группа аболиционистов во главе с У.Уилберфорсом, сторонник последнего Филипп Френсис следующим образом отметал возражения сторонников её сохранения. Он говорил: все партии соглашались в том, что утрата американских колоний разрушит Великобританию. И что же? Америка была потеряна. Однако Великобритания сохранилась. Страна как и прежде сохраняет свои позиции [3:v.32. P. 872]. При этом Френсис подчеркнул, что отпадение колоний стало безоговорочным триумфом добра над злом, мужества над тиранией [3:v.32. P. 872].

Другим примером служит ссылка на Американскую войну лорда Хоксбери при рассмотрении вопроса о выделении субсидии королеве Португалии. Он высказывался в пользу выделения субсидии в целях сохранения союзников на континенте. Его мнение базировалось на утверждении, что к неудаче Американской войны привело именно отсутствие союзников. В силу этого обстоятельства, лорд призывал палату выразить согласие [3:v.35. P. 1420].

Итак, кризисные ситуации провоцировали активизацию обращения к историческому опыту. Именно там ораторы обеих палат Парламента и представители администрации искали и находили аргументы для обоснования собственной позиции, либо намерений. С возникновением и нарастания напряженности во взаимоотношениях метрополии и заокеанских владений в речах оппозиции в Парламенте наиболее востребованным оказалось правление Карла I. Упоминаниями об ошибках монарха, виги пытались показать пагубность избранного курса на военное подавление взбунтовавшихся владений. Через несколько лет дорогостоящая война, унесшая жизни британцев, превратилась в устах оппозиции в убедительный пример в противостоянии уже новой администрации. Очевидная слабость оппонентов власти, число которых не превышало 30–40 коммонеров, не могла оказать серьезного влияния на политику кабинета, несмотря на значимость приводимых доводов. Между тем многочисленные упоминания Американской войны в стенах Парламента в годы действия антифранцузской коалиции демонстрируют её быстрое превращение в прецедент, при этом – прецедент, который приобрел универсальный характер. Его универсальность была обу-

словлена рядом факторов. Среди них – вытеснение им упоминаний о правлении Карла I, которые обычно использовала оппозиция в качестве убедительного аргумента. Далее. Упоминаниями о войне обосновывалась критика оппозиционных вигов и защита политики кабинета их противников. Далее. Использование опыта американцев плантаторами Вест-Индии в случае пренебрежения их мнением о необходимости сохранения работорговли. Наконец, ссылки на неё подкрепляли геополитические планы кабинета. Вместе с тем, универсальность недавнего прецедента скорее свидетельствовала о негативном для власти и общества историческом опыте, сказавшемся на национальной гордости британцев, вызвала стремление избежать жестокого поражения в настоящем.

Литература

1. *Fox Ch. J.* The speeches of the Right Honorable Charles James Fox in the House of Commons. V. 1–2. L., 1815.
2. *Francis Ph.* Memoirs of Sir Philip Frances. L. V. 1.
3. Parliamentary History of England from the earliest period to the year 1803. L., 1813–1820. V. 16–35.
4. *Айзенштат М.П.* Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019.
5. *Семенов С.Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.
6. *Bready J.E.* Popular Politics and the American Revolution in England. Macon, 1976.
7. *Butterfield H.* George II, Lord North and the People, 1779–1780. Oxford, 1949.
8. *Christie I.R., Labaree B.* Empire or independence 1760–1776. A British-American dialogue on the coming of the American Revolution. N.Y., 1976.
9. *Colley L.* Britons. Forging the nation 1707–1837. Second edition. New Haven and London, 2003.
10. *Thomas D.G.* Revolution in America: Britain and the Colonies, 1763–1776. Oxford, 1992.